

Уильям Эрнст ХЕНЛИ

ЧТО ВСПОМНИТСЯ – ВЕРНЕТСЯ

Предисловие, составление и переводы Андрея Корчевского

Уильям Эрнст Хенли принадлежит к плеяде литераторов, чья судьба и творчество в значительной мере поросли той самой травой забвенья. Русскому читателю, по крайней мере, это имя практически неизвестно. Тем не менее случай Хенли показывает, как история способна, уподобясь лучу прожектора, выхватить лица, судьбы, тексты из второго или даже третьего ряда авторов, демонстрируя относительность иерархии имен, которая замещается неким всеобщим литературным голосом эпохи.

Хенли родился 23 августа 1849 года в Глостере; его отец был не слишком успешным книготорговцем и издателем, а мать происходила из рода Джозефа Уортона, поэта и критика, друга Самуэля Джонсона. Юный Уильям обучался в местной школе, наставником в которой был поэт Томас Браун, экстравагантно сочинявший на так называемом манкском языке, редком англо-гельском диалекте, бытовавшем на острове Мэн. С раннего детства Уильям страдал костным туберкулезом, приведшим к хромоте; мальчик чудом не лишился ног. Болезнь наложила отпечаток на образ, поведение, судьбу Хенли. Кстати, молодой человек получил литературную известность, опубликовав цикл «больничных» стихов, в которых с документальной скупулесностью описывается обстановка госпиталя и процесс лечения. Хенли между тем был вынужден справляться с жизненными обстоятельствами: он хром, его единственная профессия – литература, и ему необходимо заботиться не только о молодой жене, но и об овдовевшей матери и братьях. Уильяму удается многое: он получает известность как журналист, его стихи встречены с одобрением и интересом (хотя и не производят революции), а со временем Хенли берется за более масштабные предприятия – он создает и редактирует несколько популярных британских литературно-художественных журналов.

Оксфордский биографический словарь так описывает поэта: «Хенли был высоким, хорошо сложенным человеком с крупной головой и шапкой желтовато-рыжих волос, часто взъерошенных и стоящих дыбом над его лбом, и с короткой рыжеватой бородкой (в которую позднее закралась седина); его ярко-голубые глаза были сильно близоруки. Именно сильная личность Хенли, его блестящие речевые способности – вот что впечатлило его современников и позволило ему достичь влияния, которое к моменту его смерти сравнивали с влиянием Самуэля Джонсона».

Уильям Хенли долгое время находился в самой гуще литературной жизни острова и всей Европы. К примеру, он сохранял близкие дружественные отношения с Робертом Луисом Стивенсоном. Именно Хенли явился прообразом одного из культовых героев – хромого капитана Джона Сильвера из «Острова сокровищ». Между тем дружба Стивенсона и Хенли закончилась разладом – безжалостный критик Хенли публично обвинил в плагиате жену Роберта, американку Фанни, которая якобы опубликовала под своим именем чужой рассказ; друзья так и не примирились.

Личная жизнь Уильяма Хенли между тем продолжала быть источником трагедий. В сентябре 1888 года родилась его дочь Маргарита Эмма Хенли, с которой у поэта были связаны многие надежды на будущее. Девочка умерла 11 февраля 1894 года в возрасте

шести лет от менингита, что стало глубокой трагедией для Хенли, отразившись на всем его творчестве. Интересно, что Маргарита Эмма за свою короткую жизнь тоже успела послужить литературному вдохновению – она появляется как Редди в романе Джеймса Барри «Сентиментальный Томми» (1986), и затем как Венди в знаменитом «Питере Пэне» того же автора (1904).

Стихи Уильяма Хенли – его главное художественное наследие. Он, безусловно, владел формой стиха, оставив нам многочисленные баллады и опыты в такой сложной строфике, как триолет и вилланель. Его образная система выглядит несколько архаичной для своего времени, но у него были и очевидные прорывы – как в уже упомянутом больничном цикле, и в его последней работе, «Песнь скорости» (1903), которая в какой-то мере вызывает в памяти «Поэму воздуха» Марины Цветаевой. В поэзии Хенли романтическая приподнятость тематики противостоит определенной холодности, рассудочности автора, словно отстраненного от собственных строк.

Самое известное стихотворение Хенли было написано в 1875 году, когда Уильям еще вел свои больничные сражения. Название стихотворения – *Invictus* («Непобедимый») – было привнесено посмертными редакторами. Этот текст – формула противостояния мировой тьме, провозглашение силы человеческого сердца – воспринимается несколько декларативно, обобщенно, надличностно. Однако *Invictus* стало одним из самых известных английских стихотворений, вошло в бесчисленные учебники и хрестоматии. Именно «Непобедимого» заучил наизусть и читал вслух в своей камере Нельсон Мандела. Именно это стихотворение продекламировал Барак Обама над могилой Манделы в ходе церемонии его похорон.

Предлагая читателям «Волги» несколько избранных переводов Уильяма Эрнста Хенли, я надеюсь, что интерес к его наследию будет возрастать. «Настанет свой черед» и другим произведениям этого автора. Стихи Хенли, интересные в контексте его биографии, предлагают всем нам важные уроки взаимопроникновения поэзии и судьбы, которые не менее важно усвоить сегодня, как это было более чем на столетие раньше.

***

Сорви же розу, розу мне,
В последний раз, быть может,
Ведь их цветенье по весне
Зимы предвестья множит.

Когда мечты солгут, солгут,
И мир надежд разрушен –
Червь сожаленья тут как тут,
Он точит наши души.

Но нам в любви, любовь моя,
Попрать не довелось ли
Обыденность небытия,
Тьму прежде нас и после?

А розам – свой черед, черед,
Свой срок для птиц и солнца.
Что ждет – Бог весть, что есть – пройдет,
Что вспомнится – вернется.

***

O, gather me the rose, the rose,
While yet in flower we find it,
For summer smiles, but summer goes,
And winter waits behind it!

For with the dream foregone, foregone,
The deed forborne for ever,
The worm, regret, will canker on,
And time will turn him never.

So well it were to love, my love,
And cheat of any laughter
The death beneath us and above,
The dark before and after.

The myrtle and the rose, the rose,
The sunshine and the swallow,
The dream that comes, the wish that goes,
The memories that follow!

Явление пациента
(из цикла «В Госпитале»)

Рассветный дым клубится там и тут,
Сквозит озноб по летним мостовым;
Вот Госпиталь – стар, сер и недвижим,
Здесь Жизнь и Смерть по-свойски торг ведут.
Сквозь гулкий вестибюль, где скуден свет,
В приемный зал проходит предо мной
С подвязанной, подвешенной рукой
Дитя, взрослее бед и старше лет.
За ней хромаю, оглушен вполне;
Седой солдат-служитель машет мне,
И я вхожу, как робкий грешник в храм –
О, что за тягостный, суровый норов
У голых лестниц, зябких коридоров:
Работный дом с тюрьмой напополам.

Enter Patient

The morning mists still haunt the stony street;
The northern summer air is shrill and cold;
And lo, the Hospital, grey, quiet, old,
Where Life and Death like friendly chafferers meet.
Thro' the loud spaciousness and draughty gloom
A small, strange child – o aged yet so young! –
Her little arm besplinted and beslung,
Precedes me gravely to the waiting-room.
I limp behind, my confidence all gone.
The grey-haired soldier-porter waves me on,
And on I crawl, and still my spirits fail:
tragic meanness seems so to environ
These corridors and stairs of stone and iron,
Cold, naked, clean – half-workhouse and half jail.

***

Я женщине отдал сердце,
Взамен не взяв ничего.
Она над ним посмеялась влать
И бросила наземь его.

Бросила сердце к своим стопам,
Втоптала в мертвую пыль,
И оно разбилось – и целый ад
В каждом осколке был.

Лежали осколки – их солнцепек
Палил, и ливень хлестал.
Но каждый – когда обернулась она –
Песней ожившей стал.

***

I gave my heart to a woman –
I gave it her, branch and root.
She bruised, she wrung, she tortured,
She cast it under foot.

Under her feet she cast it,
She trampled it where it fell,

She broke it all to pieces,
And each was a clot of hell.

There in the rain and the sunshine
They lay and smouldered long;
And each, when again she viewed them,
Had turned to a living song.

Invictus

Из мрака ночи, что опять
Царит над сферою земной –
Каким богам мне дань воздать
За дух непобеждённый мой?

Стечением обстоятельств взят
В тиски, на тропах бытия –
Был неудачей бит стократ,
Но ей не поклонился я.

Хоть этот мир – лишь гнев и гнет,
А тот – лишь ужаса стезя,
Но тем, как быстро жизнь течет,
Мне в сердце страх вселить нельзя.

Пусть с каждый днем врата тесней,
И свиток суд вершит в тиши:
Я – суверен судьбы своей,
Я – капитан своей души.

Invictus

Out of the night that covers me,
Black as the Pit from pole to pole,
I thank whatever gods may be
For my unconquerable soul.

In the fell clutch of circumstance
I have not winced nor cried aloud,
Under the bludgeonings of chance
My head is bloody, but unbowed.

Beyond this place of wrath and tears
Looms but the horror of the shade,

And yet the menace of the years
Finds, and shall find me, unafraid.

It matters not how strait the gate,
How charged with punishments the scroll,
I am the master of my fate:
I am the captain of my soul.

***

Посвящение У.Б.¹

Чуть стемнеет, Соловей
Розу славит, сердцеед,
Хоть известно: все бледней
Лик ее, что им воспет, –
И сиять осталось ей
Так недолго, не секрет.
Петь, мой свет,
Смысла нет:
Где те двое – Соловей
С Розой прежних лет?

Но не молкнет Соловей,
Роза льнет к нему в ответ:
Ведь Любовь и Жизнь сильней
Тишины, разверстой пред
Теми, кто в потоке дней
Безыскусный ткал сюжет –
Верь, мой свет:
Смерти нет –
Жизнь с Любовью – Соловей
С Розой прежних лет.

***

To W. B.

From the brake the Nightingale
Sings exulting to the Rose;
Though he sees her waxing pale

---

¹ Примечание переводчика. Я не смог найти расшифровки этих инициалов, но догадываюсь, что У.Б. был Уилфридом Блантом (1840-1922), английским поэтом и другом Хенли.

In her passionate repose,
While she triumphs waxing frail,
Fading even while she glows;
    Though he knows
    How it goes –
Knows of last year's Nightingale
Dead with last year's Rose.

Wise the enamoured Nightingale,
Wise the well-belovèd Rose!
Love and life shall still prevail,
Nor the silence at the close
Break the magic of the tale
In the telling, though it shows –
    Who but knows
    How it goes! –
Life a last year's Nightingale,
Love a last year's Rose.

***

Златая лира – у соловья,
У жаворонка – кларнет.
Но тростниковой дудки дрозда,
По мне, прекраснее нет.

Ведь чистым счастьем нас с тобой
Он сбрызнул из полной чаши
И спел, как будто нитью сшил
Сердца и губы наши.

***

The nightingale has a lyre of gold,
The lark's is a clarion-call,
And the blackbird plays but a boxwood flute,
But I love him best of all.

For his song is all of the joy of life,
And we in the mad, spring weather,
We two have listened till he sang
Our hearts and lips together.

Баллада об умерших актерах
(памяти Эдварда Джона Хенли, 1861–1898)

Где страсти, что пылали в них?
Где реки слез, что зритель лил?
Где боль, забытая на миг,
И хохот, из последних сил?
Отелло гнев, Джульетты пыл,
Брак Тизла и Тимона крах,
Ромео тень среди могил –
Все, как один, ушли во мрак.

Под маскою – злодейский лик,
А под кольчугой пара крыл,
И враг в одеждах дорогих,
И друг (он и в лохмотьях мил),
Кровавых схваток фронт и тыл,
Война, парад, и трон, и прах,
И честь – мерило из мерил –
Все, как один, ушли во мрак.

Пал занавес, и гвалт затих:
Бедняк близ Цезаря почил;
Спит Ложь среди Истин прописных,
И Рок среди проклятых Сивилл.
Где досок стон и пенье пил?
Где ножен блеск и ножек взмах?
Кто помнил нас и кто забыл –
Все, как один, ушли во мрак.

Посылка

Мой принц, среди подставных светил,
Картонных стен, мишурных драк -
Увы, Героев след простыл:
Все, как один, ушли во мрак.

Ballade Of Dead Actors
I. M. Edward John Henley (1861–1898)

Where are the passions they essayed,
And where the tears they made to flow?
Where the wild humours they portrayed
For laughing worlds to see and know?

Othello's wrath and Juliet's woe?
Sir Peter's whims and Timon's gall?
And Millamant and Romeo?
Into the night go one and all.

Where are the braveries, fresh or frayed?
The plumes, the armours-friend and foe?
The cloth of gold, the rare brocade,
The mantles glittering to and fro?
The pomp, the pride, the royal show?
The cries of war and festival?
The youth, the grace, the charm, the glow?
Into the night go one and all.

The curtain falls, the play is played:
The Beggar packs beside the Beau;
The Monarch troops, and troops the Maid;
The Thunder huddles with the Snow.
Where are the revellers high and low?
The clashing swords? The lover's call?
The dancers gleaming row on row?
Into the night go one and all.

Envoy

Prince, in one common overthrow
The Hero tumbles with the Thrall:
As dust that drives, as straws that blow,
Into the night go one and all.